

Надыршах Хачилаев

**СПУСТИВШИЙСЯ
С ГОР**

16+

Надыршах Хачилаев
Спустившийся с гор

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Хачилаев Н. М.

Спустившийся с гор / Н. М. Хачилаев — «ЛитРес: Самиздат»,
1995

Эта книга представляет собой переиздание повести Надыршаха Мугадовича Хачилаева "Спустившийся с гор" (Хроника выживания), впервые изданной журнале "Октябрь", №12 за 1995 год в переводе И.Л. Волгина и снискавшей признательность широкого круга читателей. Рисунки автора.

От переводчика

Эта книга явилась как нельзя вовремя. На протяжении двух последних веков судьба Кавказа неотделима от судьбы России. Кавказ не только область романтических влечений, но и зона повышенной опасности, таящая угрозу политических, этнических и межконфессиональных «разборок». Тем важнее постигнуть ментальность этого мира изнутри, взглянуть на него глазами участника или очевидца описываемых событий. В скупой, аскетической, «дневниковой» прозе Хачилава (ее кажущаяся простота даже порождает соблазн увенчать автора лаврами «дагестанского Хемингуэя») нашли отражение драматические реалии современного Кавказа: от мощного брожения национального духа до все более усиливающегося владычества мафиозных структур и криминализации всего общества сверху донизу. (Впрочем, последнее уже не является чисто региональной особенностью.) История «спустившегося с гор» молодого героя (в журнальной публикации представлены отдельные ее эпизоды) не укладывается в рамки традиционного литературного сюжета, суть которого исчерпывалась бы сакраментальным словом «падение». Ибо, как мы догадываемся, речь здесь идет не только об этом. От внимательного читателя не укроются сокровенные смыслы этого текста, «наивность» которого лишь подчеркивает трагизм воплощенной в нем жизни.

Игорь Волгин

ВСТУПЛЕНИЕ

Один тип – в то время я даже не знал его имени, знал только, что он еврей, – рассказывал мне, что у него есть знакомая школьница, аварка лет семнадцати. Она пишет рассказы и ходит на женское дзюдо. В одном зале с ними, на соседнем татами, занимаются мужчины. Она пишет о том, как эти мужчины поглядывают на них.

– Девушка, – говорил он, – умница и особенно мастерски пишет о том, как купается под душем. Она просто любит про это писать.

Позже я узнал, что еврея зовут Эрик Семенович, а аварку – Меседу. Эрик Семенович организовал литературный кружок при Доме пионеров, а Меседу, хоть давно не пионерка, продолжает его посещать. Меседу говорит, что хотела бы освоить такой трудный стиль письма, как поток сознания. Она советовала мне завести дневник, чтобы научиться излагать свои мысли.

– Описывай какие-нибудь случаи из жизни. Пиши все как есть, все как на духу, а если попутно будет приходиться в голову еще что-то интересное, записывай на полях.

Естественно, она по-своему, по-женски и даже по-детски, преподносила мне то, чему учил ее Эрик Семенович. Эрик говорил, что самая загадочная штука в жизни – это смерть. Он говорил, что молодые больше думают о смерти, чем старики. Все в мире – философия, литература, наука крутятся вокруг разгадки тайны смерти. И писать нужно лишь о том, о чем невозможно не написать. Только тот миг непостижим, когда человек заканчивает свое земное бытие. Эта минута священна и торжественна, как гимн, она сладка и свежа, как утренняя песня рассвета.

Ассаламун алейкум, жители кладбища, лежащие в сторону Кибла, Мухаммеда племя. Мы обязуемся молиться за вас... Надеемся, что достойно придем к вам, когда настанет наш черед, а сейчас, пока мы живы, обещаем молиться и вести себя так, как подобает Добрым мусульманам: чтить Коран, молиться Аллаху, совершать хадж, делиться с неимущими, соблюдать пост и вести беспощадную борьбу с неверными. Какие бы трудности и испытания ни ниспослал нам Всевышний, мы обещаем выдержать их и радоваться судьбе, о Великий Аллах, Держащий в руках День Страшного суда и завесу над тайной смерти рабов Твоих – людей. Лишь одного Тебя боимся и Тебе повинемся. Признаем лишь одну Твою власть над нами и Пророка Твоего Мухаммеда – саллаллаху алейхи салам, да умножится его племя и прославится род его во веки веков.

Аллаху масалли ала МухамаДин васаллим
би хурмати сири сурратил

ахир хайр
ахир хурмат
ахир ислам
ахир иман
Ал Патиха...

(Слово «Патиха» надо начинать с буквой «Ф», но у наших горцев в алфавите нет такой буквы, ее заменяет буква «П»)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Летом 1976 года мы чабанили на летних пастбищах в высокогорье. К нам на куш – стоянку чабанов – пришли дядя Муртуз и Габиб со своим раненым другом, которого звали Искандар. Из-за огнестрельного ранения нога у Искандара была зелено-лиловой, от него несло мертвечиной. Нога страшно вздулась, и дядя Муртуз сказал, что у раненого начинается газовая гангрена. Гости сообщили отцу, что они в бегах и надеются, что хоть сюда, к пристанищу богов и вечных снегов, не сунутся поганые менты. Отец ни о чем не спрашивал, точно его не удивило это полублатное «в бегах», сказал лишь, что они могут ни о чем не беспокоиться. Дядя Муртуз с Габибом тотчас же раскрыли множество медицинских упаковок и начали колоть Искандару противогангреновую вакцину. Он лежал, растянувшись на черной чабанской бурке, не реагируя на укол, глядя в небо стеклянными безразличными глазами.

– И снова я на родине... Полно кругом света и свободы!.. Но что мне со всем этим делать? – говорил прерывистым громким шепотом Искандар.

Он перевернулся на живот, зарылся лицом в бурку.

– Его иногда начинает лихорадить – бредит, требует, чтоб ногу отрезали, – сказал отцу дядя Муртуз.

– Почему бы его в больницу не отвезти? – удивился отец.

– В больницах-то как раз нас и ждут!

– Не знаю, что вы там натворили и какие темные дела за вами числятся, но парень на глазах пропадает.

Через несколько дней, в знак уважения к моему отцу, пожилой чабан с соседнего куша – Барзулав пригласил нас в гости на хинкал. Мясо его хинкала было грубым и тугим, как каучук.

– Здесь, в высокогорье, сколько ни вари, плохо варится, – говорил добродушно старый Барзулав, глядя, как вяло жуют гости.

– Кушайте! Ешьте! – подбадривал он время от времени. – У меня-то и зубов уж нету, а вы молодые!

Когда гости совсем перестали есть мясо, а брали один лишь хинкал, Барзулав сказал, что это мясо старого его коня, который лет двадцать служил ему и в летнюю жару, и в зимнюю стужу.

– Еле двигался и хромал бедолага, пришлось зарезать, – пояснял старик тем же добродушным тоном, и глаза его суетливо забегали.

После этих слов помрачневшие гости и вовсе жевать перестали. Вдруг этот раненый поганец Искандар поднялся опираясь рукой на плечо Габиба, и презрительным тоном, впрочем, выдающим больного, выпалил пожилому чабану:

– Эй, а вам не кажется, что вы едите мясо своего друга?

Наступила тишина. Все обомлели, молча переглядываясь. У отца от недоумения губы стали бескровными, бледными. Он сурово уставился на Муртуза и Габиба. Те поспешили увести своего друга обратно на куш.

– Вот она, моя родина, страна хвастунов и людоедов! – орал, уходя, Искандар.

Дядя Муртуз ладонью зажимал ему рот, но Искандар энергично мотал головой и что-то выкрикивал по-русски. Наша стоянка была за горой, ее отделял глубокий, густой зеленью

поросший овраг. Слышно было, как гости сорвались с тропинки и шумно съехали вниз, пытаясь удержать тяжелого Искандара. Они благополучно приземлились в густой траве и там ругались между собой. Когда мы с отцом вернулись на куш, наступали сумерки, и чабаны с белыми отарами блеющих овец спускались по черной, как ночь, земле Дультидага. Ночи в ущельях бывают черными-черными, и иногда кажется, что белые отары овец парят в воздухе. В это время Муртуз с Габибом закутывали в бурку Искандара, которого знобило и колотило, как в горячке. Он тихо, тем же раздраженным, болезненным тоном говорил Муртузу, чтобы тот не доверял никому. Что даже среди чабанов могут быть доносчики и стукачи.

– И вообще, – сказал он, уже успокоившись, – моим другом не может быть человек, не способный на убийство!

Дядя Муртуз, как бы убаюкивая, говорил ему только: «Хорошо, хорошо!» – и во всем соглашался. Я пытался вникнуть в смысл сказанных Искандаром слов. Я не понимал, почему он так говорит, и решил, что это бред больного. Когда я заснул, мне снилось, что я хотел убить своего друга, но мне это не удалось. Я лишь ранил его, как думал, смертельно, но от желания жить в нем появилось так много силы, что он смог увернуться от второго удара. Друг ушел от меня раненым зверем, хрипя и отфыркиваясь кровью, счастливый, что уцелел. Он оставлял следы крови за собой, и от его крови пахло ядовитым запахом смерти. Утром, как всегда, отец разбудил меня рано. Рассветало. Тишина, небо сизое, как раскрытое крыло голубя. Я взял ведра и пошел за водой к роднику, что спрятался глубоко в овраге. Проходя мимо Искандара, взглянул на него. Он спал беззвучно и безмятежно, как ребенок, – с открытым ртом. Десны его были бледно-фиолетовыми, а зубы – редкими. Между ними белесо виднелось застрявшее мясо вчерашнего хинкала. Мне показалось, что у него опухла не только нога, но и сам он был каким-то распухшим. Хотя дышал он негромко, в груди у него что-то хрипело, пенилось и лопалось, словно тысячи маленьких пузырьков. Спускаясь в овраг, я еще сверху увидел родник. В темной его глубине, среди мрачно-зеленой растительности, как в зеркале, отражалось небо. Горы, те, что повыше, были голыми и черными. На них лежали черные языки тающих и ползущих вниз ледников. Спустившись к роднику, стоя в мокрой траве, что была мне по пояс, я смотрел в воду и видел небо словно сквозь толщу земли, по ту ее сторону. В это время там пролетал орел. Листья лопуха вокруг родника были большие, словно уши слона. Когда я поднялся обратно на куш, первые лучи солнца уже играли на холодных скалах двух пятитысячников – Па-Баку и Валяял. Проснувшиеся бараны кряхтели и кашляли, как старые чабаны. Искандар под буркой лежал вздутый и неподвижный, как труп. Старые чабаны совершали ритуальное омовение к утренней молитве. Некоторые бараны, приученные к мучному, любимчики чабанов, вплотную подошли к кушу. В трех шагах – там, где мы ложимся спать в бурках, – сплошной слой овечьего навоза. Он подсох и совсем не воняет. Старые чабаны любят спать там. Им мы топим очаг, на нем варим хинкал. Сложив руки на животе у пупка, чабаны встали на утренний намаз. Они похожи на грифов – горбоносые, вытянутые, сухие. Время от времени поднимают ладони на уровень ушей и вслух говорят: «Аллаху акбар!». Потом сгибаются, снова выпрямляются, снова сгибаются, опускаются на колени, падают ниц, касаются лбом молитвенника – и так три раза. Волоча за собою холодные фиолетовые тени, отец и дядя Муртуз спускались по только что озаренному солнцем склону. Отец, шедший впереди, при какой-то фразе дяди Муртуза вдруг так резко обернулся, что Муртуз чуть не наскочил на него. То ли от утреннего солнца, то ли от нахлынувшей в голову крови, лицо отца стало багровым. Он переложил здоровенную чабанскую палку из правой руки в левую (отец – левша), но не ударил. Они сели на склоне горы и долго молчали. Потом, вставая, дядя Муртуз сказал, что хоть он и не хочет снова заводить этот разговор, но обида у него есть. Он сильно обижен. Эта обида останется с ним, и, мол, не следует ждать от него тех отношений, какие бывают между родственными людьми.

– Родственники называются! Тем более близкие родственники!.. Мне, черт побери, поговорить не с кем, мне, может, хочется пооткровенничать, душу излить... Может, мать его, хочется, чтобы кто-нибудь пожалел меня, а тут вместо родства одно ожесточение и ненависть.

– Ты лучше вспомни, сколько ты бед принес семье! За что тебя любить и лелеять? Это сейчас ты малость подустал, да и годы уж не те...

– Махач, давай лучше прекратим, мы снова начинаем... А то я не отвечаю за себя! – оборвал отца Муртуз и пошел к Искандару.

Он осторожно, как это может сделать человек близкий, потрогал тыльной стороной ладони лоб больного, пощупал пульс и снова укрыл его. Потом Муртуз подошел ко мне, крепко схватил за плечи и усадил рядом с собой. Я сидел неподвижно, стараясь, чтобы не было слышно моего дыхания. Я чувствовал: дяде Муртузу очень важно сейчас, чтобы я был рядом. Я сидел чуть впереди, и не были видны только его руки – здоровенные лапы, покрытые ветвями вздутых вен. Не зря его называли «мужчина-конь». Отец рядом с ним выглядел низкорослым. Дядя Муртуз сказал, что в нашей семье я с ним одной породы и что он очень беспокоится за меня.

– Главное – чтоб ты не повторил моих ошибок, – сказал он, похлопав меня по плечу.

Прошла неделя. Мы обжили гору. Высохла трава на месте расположения нашего куша. Невдалеке подсох слой овечьего навоза: неправильный круг словно заасфальтирован сверху плотным слоем кизяка. Покрасневшие, задубелые от горного солнца и воздуха лица чабанов. Лицо и шея до воротника, руки до запястья, где застегивают рукав, – красные, почти бурые. По утрам, только проснувшись, средних лет чабан по имени Ассаб ловит в еще сонной отаре козлят и ягнят, кусает им уши. Козлята визжат, вырываясь из рук, а ягнята плачут, как дети. Ассаб, радуясь, гогочет им вслед. Чабаны находят его проделки бестолковыми и ругают его. Искандар по-русски назвал его «козлом» и обещал порвать ему пасть. Ассаб улыбнулся Искандару. Наверно, не совсем понял, что тот имел в виду.

– Все-таки они добрее и чище нас, – сказал, глядя на Ассаба, дядя Муртуз. – Они, как пророки.

– Пророки, братан, прошли все страдания жизни. Они брали их на себя. Они могли понять причину беды и подсказать выход. Вот кто такие пророки, братан. Ты не сравнивай этих тупорылых лентяев с ними, – сквозь зубы проговорил Искандар.

Дядя Муртуз обиделся и отругал Искандара. Он сказал, что эти тупорылые лентяи приняли их и заботятся, как могут. Искандар отвечал, что остается при своем мнении. Скотоводческие народы всегда агрессивнее земледельческих: частое употребление мяса вызывает воинственность. По нашим чабанам, однако, этого не скажешь. В последнее время мяса в хинкале становится все меньше. Чабаны начали жадничать. Искандар говорит, что они лентяи, трусы и жмоты. Старый чабан Кунма готовится к обеденному омовению. Он снял сапоги, развернул портянки. Указательным пальцем ковыряется между разомлевшими пальцами правой ноги. Подносит палец к носу, нюхает, потом резко отводит в сторону.

– Говорят, эти русские сильно обижаются, когда в их дом заглядывают через окна? – вдруг спросил Кунма дядю Муртуза.

– Наверно. Кому это приятно? – пожал плечами дядя.

– М-да-а... Говорят, они очень капризные, эти русские! – Кунма, морщась, зевает, раскрыв пасть с полопавшимися облезлыми губами.

В трещинах губы у него белые, бескровные. От разреженного воздуха нос у Кунмы большой и вздутый.

– Капризные, но не очень, – лениво взглянул на Кунму дядя Муртуз.

Искандар, полулежа, молча улыбался. Его лицо было ясным, как у младенца. В последнее время он рассказывал сны и часто бредил. Ему виделось, как по снежному склону Валяял спускается табун ярко-красных скакунов. Разгоряченные, взмыленные кони несутся вниз галопом,

поднимая в воздух миллионы кристалликов прошлогоднего снега. Порой в забытии Искандар толковал о войне и сражениях.

– Не к добру этот человек у нас на куше, – сказал Арчиял Кади, чабан с безгубым ртом, в углу которого всегда торчит потухшая сигарета.

– Лентяи... как пить дать, лентяи! Тысячелетиями чабаны здесь – и не построить ни единого дома, не обустроить быт, даже топлива не запастись, – как бы разговаривая сам с собой, устало бормотал Искандар. – А он решил их с пророками сравнивать... Муртуз! – заревел он вдруг, поднимаясь. – Муртуз!

– Да успокойся ты, бес! Разорался тут! – улыбаясь, как ребенку, Муртуз помог Искандару подняться на ноги.

– Пророки, братан, – это не наши чабаны, возлюбившие рабство вольного труда. Это люди, причастные к высшей истине, которая недоступна нашему разумению.

– Искандар, что это с тобой происходит? Откровения какие-то... – Дядя Муртуз подхватил Искандара под мышки.

Я не знаю, как выдерживал Муртуз: от Искандара несло запахом разлагающегося, смердящего мяса. На горы осели беспросветные, хмурые облака. Пошел мелкий, морозящий дождь, и казалось, что не будет ему конца. Из оврагов спустился ползучий шершавый туман. Полудревесные корни травы кюллю намokли, и уже нечем было топить очаг. Ночью некоторые чабаны украдкой сосали сахар или конфеты. Свои сладости каждый держал в тайнике. Я находил их и потихоньку воровал. Мне казалось, что чабаны поглядывают на меня с подозрением. Они прибегали к разным уловкам: перепрятывали конфеты и ставили скрытые метки. Я разгадывал эти знаки и, вроде бы, не оставлял следов для подозрений. Некоторые чабаны ругали моего отца: почему он редко привозит что-нибудь сладкое сыну? Отец отвечал, что мужчине не к лицу употреблять много сладостей. Арчиял Кади сказал, что, если позволять ребенку воровать по мелочам, он, повзрослев, возьмется за крупное. В назидание Арчиял Кади даже поведал притчу, каксын-воришка перед казнью откусил язык своей матери, которая в детстве позволяла ему воровать. Отец меня ругал, но не бил. Он говорил, что самое большое его достоинство – честное имя. Он говорил, что за всю свою жизнь не украл даже яблока из колхозного сада.

– О Аллах, за что Ты мне шлешь столько страданий, ведь я исполняю каждое Твое предписание! – слышал я иногда после молитвы вставленные в «Дуа» слова моего отца. На душе становилось тревожно, и смутно. За что должен страдать отец? Вроде он живет не так, как дядя Муртуз. Иные слова в молитве отца меня возмущали. – Твой покорный раб! – говорил он, прося о пощаде, о снисхождении, о благополучии, покое и радости для всей семьи, для рода нашего и для нации нашей. Он просил отогнать от нас беды и войну. Отец особенно страшился какой-то, непонятной для меня, войны, он перечислял все дурные последствия ее и просил Всевышнего о ее отсрочке. Отец ругал меня, если во время «Дуа» я не говорил «Амин», держа руки перед собой. Он терпеть не мог моего упрямства и считал мои дурные наклонности (в том числе воровство) наследием крови материнского рода. Дядя Муртуз как-то сказал, что не понимает отца; как тот носит партбилет, исправно платит членские взносы и отчаянно молится Аллаху– таале. Он называл отца странным типом. За это я крыл дядю Муртуза матом и даже пробовал кидаться в него камнями.

– Ах ты, дурачок, узнаю тебя, сопляка, – говорил он тогда, похлопывая меня по шее и теребя мою шевелюру. Он с гордостью напоминал мне о знатности нашего воинского рода, о нашем наследственном свойстве – не думать о последствиях в момент опасности. Дядя Муртуз с особенной нежностью упоминал о бешеной крови, которая течет в наших жилах и которая досталась нам от наших воинственных предков. Дядя уверял меня, что мы должны гордиться этим благороднейшим даром, отличающим нас от других, обыкновенных людей. У него появился налет загара на лице, щеки стали сухими, красными, и четче обозначились контуры небритой бурой щетины. В эти дождливые дни мы спали в бурках, хотя на других кушах встре-

чались палатки, вмещавшие целую бригаду. Моя бурка была старая, дырявая, и ночью, особенно под утро, у меня мерзли ноги и промокал бок, на котором я лежал. Приходилось подниматься и переворачиваться на другой. Иногда дождевая вода просачивалась к шее, а оттуда – к затылку и на спину. Я часто вспоминал наш застекленный уютный балкон с коврами, кровать с простынями, душистый хлеб, золотистые поспевшие абрикосы и веселый гомон ребят на запрудах горных речушек. К нам на куш пришла русская семья – отец, мать и дочка. Они каждый год прилетают сюда на вертолете. Отец – молодой профессор, крупный ученый – знал тут всех. Звали его Геннадий Михайлович, а чабаны – просто Гена. В первые дни мы ели их консервы, но потом и они кончились. Дочь профессора Галина, белая, стройная, в простом летнем платье с открытыми плечами, улыбалась всем. В день приезда она с восторженным визгом кинулась на шею Иллари – конопатому рыжему пацану, сыну старого чабана Кунмы. Иллар топтался на месте, смущенно улыбаясь и отводя глаза. Галина спрашивала, получал ли он ее письма и почему не отвечал. Иллар до того стеснялся, что даже сквозь плотный загар видно было, как он покраснел.

– Охо-хо-хо!! – восклицал Габиб, глядя на них. Все дни после прихода на куш русская семья усердно ухаживала за раненым Искандаром.

– Пропадет парень, на глазах пропадает! – с горечью говорил профессор моему отцу и дяде Муртузу. – Немедля в районный центр, или где там у вас больница... Хорошие врачи нужны. Еще несколько дней – и гангрена может перейти в кровь.

Ночь, когда Искандару становилось хуже и он начинал стонать, дочь и жена профессора покидали свою палатку и не отходили от больного, пока он не успокоится и не заснет. Я видел, как жадно смотрел Габиб на Галинины стройные загорелые ноги, когда она наклонялась ухаживая за больным. На четвертые сутки после начала дождя Искандара стало знобить и лихорадить. Геннадий Михайлович забрал его к себе в палатку.

– Я сам еще живой, но какие-то части моего тела уже мертвые. Я чувствую, как умирает клетка за клеткой, – говорил Искандар дяде Муртузу.

Я тоже зашел в палатку согреться от дождя. В палатке было уютно и спокойно. Но смердящий запах разлагающейся ноги Искандара заполнил ее. От этой вони было неудобно перед русскими.

– Не бери в голову, – успокаивал больного Муртуз. – Через день мы отправляемся в Кумух, в больницу.

– Сорок километров горной дороги!.. Не будем обманывать себя. Я пока еще живой, но тело почти умерло... – Голос Искандара чуть не сорвался, но он сумел совладать с собой.

– Не говори так! Я тебе клянусь... – начал было дядя Муртуз, но больной перебил его:

– Я ни в чем не виню вас!.. Братан, я должен был тебе сказать правду. Можно было успеть с самого начала, когда мы проезжали мимо всех горных центров, где есть больницы. Тогда еще не было поздно, а сейчас уже поздно. Клянусь, я не буду мужчиной, если хоть в чем-нибудь упрекну вас... – Искандар запнулся. Ему трудно было говорить.

Я сидел позади дяди Муртуза и не видел их лиц, но слышал, как они тяжело вздыхают. Спина дяди грузно вздымалась.

– Черт побери, мне аплодировали в Кракове, Мюнхене, Мадриде за мои победы на ковре. Осталось слезать за океан в Америку, и на тебе – постель... Я больной, какой кайф. Муртуз, что ты скажешь? Мой дядя виновато молчал. Дождь непрерывно хлестал, стуча мелкой дробью по плотному брезенту палатки. Природа оставалась глуха и безжалостна к человеческим страданиям. – Какие прекрасные люди это русское семейство! вдруг, повеселев, совсем по-ребячьи сказал Искандар. – Мне приятны ее прикосновения, я всегда жду ее. Она прелестна и свежа, ей никак не дашь ее годы. – Искандар говорил о жене профессора. Он попытался приподняться на локтях. Дядя Муртуз поддерживал его и только просил не волноваться.

– Раз она так близко наклонилась, что щекою коснулась моего лица... Я бы попросил ее поцеловать меня, но она замужем! А муж ее тут, и он хороший человек. Я попросил бы ее поцеловать меня – она, наверно, не откажет... Но ведь ни один пророк об этом просить бы не стал! Когда мы вышли из палатки, я первым делом глотнул свежего, пахнущего ароматами альпийских лугов и запахом сырой земли воздуха. Стало легко и свободно, будто я вышел из глубокого душного подземелья. Дядя Муртуз тяжело вздыхал и мотал головой.

– Мы должны были сразу повезти его в больницу, – мрачно бросил он Габибу.

– Во-первых, менты шли по пятам, а во-вторых, больницы были предупреждены – нас сразу кинули бы в тюрьму, – начал Габиб.

– Все равно мы поступили, как трусы. Такого парня сгубили...

– Не говори так, Муртуз. Гале дали новую чабанскую бурку. Оказывается, у бригадира всегда есть запас. Мне стало обидно за свою – дырявую, с облезлыми краями. Иллар научил Галю, как надо заворачиваться в бурку. Завернувшись так, что обозначились округлые очертания ее бедер, девушка улеглась рядом с Илларом.

– Надо же! – говорил дяде Муртузу Габиб. – Такая девушка чмошнику досталась.

Утром, несмотря на хмурую погоду, Галина громко шутила с Илларом. Он стеснялся, отвечал ей шепотом, с трудом подбирая и выговаривая русские слова.

– Ты о чем так храпел мне на ухо? – весело допрашивала Иллара девушка. Он лишь что-то мямлил в ответ.

– Да, вот такие они все, эти тихушники! Что трусят вслух сказать, бесстрашно храпят во сне! – громко вставил Габиб.

Галина, вопросительно улыбнувшись, ничего не ответила.

– Зачем ты так при ней говоришь? – по-лакски спросил Габиба Иллар. Кадык у него на горле передернулся, и он сильно побледнел.

– Да пошел ты, дурачок! – по-русски ответил Габиб. Он усмехнулся и оценивающе посмотрел на молодого парня.

Я стоял позади Габиба. Даже сквозь мокрую бурку видны были контуры его мощной атлетической спины. Иллар снял вымокшую папаху, встряхнул ее – так собака, выйдя из воды, встряхивает всем телом, и брызги от ее шерсти летят веером в стороны – и в растерянности снова надел.

– За эти слова я тебя все равно так не оставлю, – вдруг по-русски сказал Иллар. Видно было, каких усилий ему стоило произнести эти слова.

– Ты не тот мужчина, который может говорить со мной, – небрежно похлопал Иллара по плечу Габиб.

Наблюдавший эту сцену дядя Муртуз обругал Габиба – назвал его безмозглым быком и бестолковым бараном.

К полудню Геннадий Михайлович привел на куш районного ветеринарного врача – специалиста по отгонному животноводству, чтобы тот осмотрел больного и сделал перевязку. Врач в желтом непромокаемом плаще с капюшоном ехал на коне, а профессор плелся за ним пешком. Он был в брезентовом плаще без капюшона и в папахе. Только очки и свежесбритое лицо выдавали в нем горожанина-интеллигента. У ветврача под плащом была военных времен гимнастерка, а сбоку, на португее, висела командирская кожаная сумка. Он зашел в палатку, осмотрел больного, вышел на воздух, прищуренно, сквозь морозящий дождь, окинул взглядом куш и наотрез отказался оказывать помощь Искандару, пока не удостоверится в личности больного и других, присутствующих тут, подозрительных лиц. Не слушая, что говорили ему мой отец Геннадий Михайлович, Кунма, Арчиял Кади, врач прикрыл полой плаща командирскую сумку, сделал какие-то записи, сел на коня и уехал, медленно исчезая в морозящей штриховке дождя и и серой дымке точно навсегда застрявшего здесь тумана. Чабаны ругались и плевали вслед ветврачу.

– Откуда ты выкопал этого гада? – спросил дядя Муртуз. Геннадий Михайлович нахмурился и ничего не ответил. Послышались стоны из профессорской палатки. Искандар требовал, чтобы его вынесли под дождь. Он кричал, что хочет видеть Божий свет. Хотя профессор был категорически против, дядя Муртуз с Габибом вымыли больного. Он лежал, накрытый желтым клеенчатым плащом. Отказался от навеса, который мы хотели соорудить над ним из палок и бурки. Дождь хлестал его по белому, бескровному лицу и мокрым волосам. Он улыбался и радовался чему-то.

– Зеленая трава! – медленно произнес он. Потом, подняв руку, голую по локоть, тихо добавил: – Нежное тело дождя-матери! Рука, обессилев, упала на бурку. Губы Искандара безмолвно что-то шептали. Он заметил Галину и смотрел на нее просветленными, как дождевые капли, глазами. Чабаны во главе с профессором дружно решили, что Искандара немедленно надо везти через перевал, в районную больницу.

– Хотя, вряд ли это поможет, – сокрушенно сказал профессор. – А жаль, умный парень. Искандар попросил воды и хлеба. Воду ему дали, а хлеба не было.

– Что есть нечего – это даже хорошо. Голодом болезни лечат, – бодро сказал профессор.

– Какая обидная штука получается! – вдруг снова заговорил Искандар. – Жизнь кажется особенно желанной и сладкой, когда теряешь здоровье... способность нормально жить... Чем внезапней и горше твое горе, тем сильнее хочется жить...

Он откинул плащ и попытался подняться с носилок, сделанных из карликовых березок – единственных деревьев, растущих в этих краях. Дядя Муртуз с Габибом снова его уложили и занесли в палатку, он шумно сопротивлялся. Дождь становился холоднее. Иногда из туманных ущелий плаксиво завывал и кашлял шакал. Чабаны вместе с Геннадием Михайловичем готовились к отправке раненого в больницу: мастерили носилки, которые можно подвесить между двумя лошадьми. К вечеру приехал ветврач с двумя молодыми парнями. Ветврач начал допрашивать моего отца: кто эти люди, что с ними такое случилось? Отец выслушивал вопросы, поглядывая на рвущихся в бой Муртуза и Габиба и стараясь усмирить их суровым взглядом своих пепельных глаз. Потом, выдержав паузу, он покряхтел в кулак и сказал, что честно прожил жизнь и ответ за свои дела будет держать только перед одним Всевышним, а не перед каким-то проходимцем, отказавшим в помощи больному человеку. Ветврача такой ответ сильно рассердил, он сказал, что с отца спрос будет, как с коммуниста, на партийном бюро. Он продолжал угрожать, садясь на коня и уже поставив ногу в седельное стремя. Но тут отец уже не смог удержать Габиба и Муртуза, и те бросились бить врача. Двое сопровождавших врача парней поспешили ему на выручку – заодно досталось и им. Конь ветврача испугался и, шархнувшись в сторону, поволок хозяина, нога которого застряла в стремени седла. Конь поскакал по тропинке, ведущей к ущелью, и скрылся в тумане. Его искали почти до полуночи. Чабаны вернулись разводя руками, испачканные грязью, измученные. Лил безжалостный дождь. Мучительная ночь была долгой и холодной. Издалека, откуда-то снизу, доносился клокочущий рев горной реки. В эту ночь особенно неприятны были завывания шакалов. Утро наступало томительно долго. Даже выдавшие вид чабаны, проснувшись, ахнули. Везде, где из-за тумана виднелись горы, было белым-бело. Выпал снег! Хрустя по свежему насту, пришел гонец с соседнего куша. Это был сын Барзулава. Он сообщил, что ветврача, полуживого, конь притащил на родной куш. Парень еще добавил, что там собралось много возмущенного люда: в случившемся все обвиняют Махача – моего отца. Они пришли бы сюда, если бы не холода. Мой отец поблагодарил молодого чабана и, когда тот собрался в обратный путь, дал ему кусочек сушеного мяса. Весь просторный каньон Дультирата заполнился протяжным бляньем голодных овечьих отар. Снег продолжал сыпать. Чабаны ворчали и на чем свет стоит кляли непогоду. Только одна Галина весело взвизгивала:

– Снег! Какой класс!

Приготовив коней и носилки, Габиб с Муртузом вынесли Искандара. Сопровождать их должен был знаток здешних гор Арчиял Кади. Когда чабаны начали читать дорожную молитву, Иллар, совершенно некстати, подошел к Габибу и на ломаном русском языке вызвал его драться один на один. Этот вызов был настолько неуместен, что все – кто с гневом, кто с удивлением – взглянули на Иллара. Все, кроме его отца Кунмы. Мой отец, Арчиял Кади и Геннадий Михайлович остановились как вкопанные. Всем своим видом они как бы спрашивали: «Что за бред?»

– Я своего сына на родниковой воде и на свежем мясе растил не для того, чтобы безродные оскорбляли его, – с угрозою в голосе заговорил Кунма.

Доселе дряхлый и невзрачный старик выпрямился во весь рост, на голове его высилась папаха с клеенчатым верхом. Произошла заминка. Все стояли в молчании. Габиб начал было говорить, что он разорвет хоть десятерых таких, как Иллар, но Муртуз грубо приказал ему заткнуться. Вдруг Иллар замахнулся на Габиба палкой. Тот среагировал молниеносно: с такой бешеной силой вырвал палку (тут же сломав ее о колено), что Иллар чуть было не клюнул носом в грязь. Мой отец сопел от возмущения и ругал Кунму, говоря, что тот нарочно все это подстроил. Кунма сказал, что у него одиннадцать сыновей и свыше пятидесяти двоюродных братьев, которые смогут собраться в нужном месте, если Габиб не извинится перед его сыном.

– Никогда! Тем более после таких слов, – немедленно отозвался Габиб.

Все попрощались с Искандером и его спутниками и пожелали им доброго пути – все, кроме Кунмы и его сына. Я провожал взглядом качающуюся в седле спину дяди Муртуза. Между его конем и конем Арчиял Кади были устроены носилки с Искандером. Когда больше уже не надо было заботиться о больном и все время переживать за него, муки голода вновь напомнили о себе. У сторожевых овчарок и кушевских волкодавов тоже не было сил ходить за отарами, и они стояли, как мокрые курицы, сиротливо глядя на своих хозяев. Старшие решили спуститься на ту сторону Кавказского хребта, где на границе Грузии с Азербайджаном расположились аулы цахуров и аварцев. Они могли по старой дружбе поделиться с нами хлебом и топливом. Глава вторая Голодные стада овец, словно взбесившиеся, блеяли и носились по снежным отрогам гор. Они, как беззубые драконы, от голода кусали друг другу уши и обрывали их маленькими кусочками. Бараны сами измазались кровью, и на свежем снегу оставались тонкие струйки крови. Спускаясь на ту сторону Кавказского хребта, мы шли по древней скалистой тропинке, по которой Европа общалась с Азией. Так сказал нам Геннадий Михайлович. В каменистых темных ущельях было туманно, словно там затаилась тьма веков. Цокот железных подков наших лошадей гулким эхом отдавался в скалах. Спускаясь по серпантину каменной тропы, мы видели, как редеет туман. Погода здесь была мягче, снег давно остался позади. Геннадий Михайлович рассказывал, что в этих местах наши мусульмане истребили последних христиан-горцев. Многие из выживших отступили в Грузию. Геннадий Михайлович сказал, что в этих скалах окаменело эхо истории. На одном из перевалов мы остановились отдохнуть и попить воды. Я решил пройтись и вышел в узкое каменное ущелье. За мной последовала Галина. Слыша за спиной ее упругие шаги, я заволновался. Она мне нравилась, хоть и была старше. Каково было мое удивление, когда передо мной вдруг открылся ряд чеканно высеченных в скале, круто ведущих вверх ступеней. В этом диком краю они производили впечатление чуда. Подоспевшая следом за мной Галя так и зашлась от восторга. Я почувствовал, как она дышит мне в затылок. Позабыв о бессилии голода, я понесся вверх по ступеням. Они стремительно уходили все выше и выше. То ли оттого, что из моего рта вырывалось облачко белого пара, то ли оттого, что эхо в скалах повторяло звук моего дыхания, мне чудилось, что впереди бежит какое-то невидимое существо. Живое, легкое и воздушное. На вершине салы, на маленькой площадке было высеченное из цельного камня христианское святилище. Я вошел в него, затаив дыхание. Чисто тесаные каменные стены освещались двумя тоненькими свечами. Их словно только что зажег какой-то праведный дух, бежавший впереди меня. Между свечами

помещался образок христианского бога Исы. В святилище было чисто и покойно. Постояв, мы с Галиной молча повернули обратно. Казалось, будто за нами следят невидимые, но добрые существа – неприхотливые жители этих скалистых отрогов. Старший чабан Ассаб – проводник, взявшийся довести нас до Верхнего Кусура, – накричал и на меня, и на Галину. Он говорил, что здесь каждый шаг в сторону от тропы означает смерть. Здесь, помимо всего прочего, водятся джинны, потому эти горы так безлюдны. На следующее утро мы достигли Верхнего Кусура. Обессилевших от голода, нас там встретили радушно. Старики знали моего отца и спрашивали про него. Ассаб торговался с местными жителями: сколько голов овец мы будем им давать за один чувал хлеба. Он, вроде, без труда договорился с ними. Набрав несколько мешков свежеиспеченного хлеба и два хурджина сухого кизяка, мы тут же отправились в обратную дорогу. Несмотря на усталость, на обратном пути Галина достойно держалась в седле. Она ехала рядом с отцом и тихо переговаривалась с ним. Русские уже не улыбались, они, видимо, наелись экзотики досыта. Они устали от дождя, от хмурых гор и от черствых, небритых физиономий горцев. Вернувшись на куш, мы обнаружили, что снег перестал сыпать, туман рассеялся и сквозь облака стали проступать лоскуты голубого неба. Снег еще не растаял, но кое-где черными пятнами уныло выглядывали щебенистая земля и мокрые скалистые отроги гор. Стада баранов, точно войско на поле битвы после бомбежки, разбрелись врассыпную по горам. Появление свежего, душистого хлеба и только что разведенный из привозного кизяка огонь – эта двойная радость была омрачена новой вестью. Пришел гонец из-за перевала Лаказан и сообщил отцу, что умер Искандар. Вернее, не умер, а погиб. Гонец еще сообщил, что перед смертью Искандар произносил имя какой-то русской женщины. На перевале Лаказан Искандар отвлек внимание дяди Муртуза и бросился в пропасть. Отец немедля оседлал коней, и мы с ним тронулись в путь. Впереди, в темной пасти ночи, белесо улыбались костлявые челюсти далеких снежных отрогов. Лишь под утро, усталые от напряжения и бессонницы, мы добрались до места, где ждали нас дядя Муртуз, Габиб и Арчиал Кади. Свежий утренний туман клубился в глубоких впадинах и застилал горы. Муртуз сказал, что Искандара похоронили вчера, могила находится на холме среди березок. Когда они поднялись на перевал Лаказан, рассказывал Муртуз, Искандар снова начал бредить табуном красных копой. – Он так явственно описывал этих разгоряченных коней, что мы начали взглядом искать их на открытых склонах. Как только мы отвлеклись, Искандар поднялся на носилках и прыгнул вниз якобы за ними. На труп невозможно было смотреть, так сильно он был обезображен. Несмотря на густой, липкий туман, Муртуз повел нас к могиле. Когда мы поднимались на холм, нам навстречу из тумана, как призраки, выступали силуэты деревьев. Все было тихо, липкий туман шуршал, касаясь лица, и будто мелкими пузырьками лопался у ушей. Он словно что-то нежно нашептывал. Когда мы достигли вершины холма, выглянуло солнце, и туман начал медленно таять. Из рассеивающейся дымки стал проглядывать камень у надгробия Искандара. Мы отдали салам покойнику, стали полукругом и прочитали Алхам. Отец произнес:

– Если были у покойника долги, прошу о них сказать, а ближайšie друзья и родственники должны их оплатить. Отец сказал, что нельзя оставлять за покойником долги: это тяжкий грех для него!

Он также призвал не держать на покойника обиды и просил прощения ему у каждого присутствующего поочередно.

– Был ли покойный Искандар благочестивым мусульманином? – продолжал спрашивать отец у дяди Муртуза, как ближайшего друга.

– Не знаю, – как-то бестолково ответил дядя.

– Как не знаешь?

– Ну, как тебе сказать... – Быть благочестивым мусульманином – это не только читать Коран, молиться. Это поведение и поступки тоже. – Не знаю каким мусульманином, но он был настоящим мужчиной и отчаянным другом! – нашелся дядя Муртуз.

Хотя видно было, что отцу ответ не очень понравился, он совершил кулху и пожелал покойнику рая. Отец как-то сильно помрачнел. Видимо, на него разом навалились напряжение и усталость последних дней. Сетчатые морщины на его лице стали более глубокими, а выцветшие желтые усы и седоватая щетина еще более старили его. Мне показалось, что, кроме уважения к его морщинам, у меня нет никакой нежности к отцу. Серебристое утро высокогорья дрожало, словно звуки нежной флейты. На лицо отца легла густая тень кудлатой папахи. Он сказал, что почему-то эта смерть его задела, как никакая прежде. Хоть Искандар не был ему ни другом, ни родичем, эта смерть потрясла его. Потом добавил, что Искандар не цеплялся за жизнь и не сопротивлялся смерти. Дядя Муртуз вмешался, сказав, что у покойного остались враги и за него нужно будет мстить.

– Ты хоть сейчас не лезь! Не порти память о нем своим уголовным прошлым и будущим, – перебил отец.

Дядя ничего не ответил, не стал спорить, но взглянул на отца тяжело и сурово. Отец плеснул воду из родника себе в лицо, помочил затылок, совершил омовение и встал на бурку в молитвенной позе.

– Астапируллах, астапируллах, астапируллах, – начал он полупшепотом.

– И чего он корчит из себя? – заворчал Муртуз. – От страха не знает, кем стать: коммунистом или исламом, и в итоге ни то ни се. И ты не строй рожу, сопляк! Ишь, хмурится тут! – рявкнул на меня дядя.

Я выругался и нагнулся было за камнем, но дядя Муртуз сильной рукой поднял меня за шкуру и поставил рядом с собой. Совершая «Дуа», отец вновь повторил, что мы рабы Аллаха, что Аллах вновь явил власть смерти над человеком. Отец просил помощи у Аллаха, чтобы не заблудиться и не обмануться. Он говорил, что в последнее время много развелось язычников, поклоняющихся истуканам, и заблудший народ легко становится добычей чертей. Назло дяде Муртузу я держал перед собой, как полагается, раскрытые Совершая «Дуа», отец вновь повторил, что мы рабы Аллаха, что Аллах вновь явил власть смерти над человеком. Отец просил помощи у Аллаха, чтобы не заблудиться и не обмануться. Он говорил, что в последнее время много развелось язычников, поклоняющихся истуканам, и заблудший народ легко становится добычей чертей. Назло дяде Муртузу я держал перед собой, как полагается, раскрытые ладони и повторял «Амин! Аллахун амин!»

В сакле был сонный полумрак. Дядя Муртуз сидел не шевелясь, уставясь в каменный угол комнаты. Тетя Жари подала ему кружку воды. Не спуская с брата тревожного взгляда, она села рядом.

– Муртуз, тебя в доме боятся все, – тихо и неуверенно начала она. – Ты не умеешь прощать. Твоя беспощадность к родственникам угнетает и отталкивает всех. Тетя Жари, волнуясь, теребила бахрому своего платка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.